

В. В. ФОМИН

Ломоносов и Миллер: уроки полемики

Оценка М. В. Ломоносова как историка, во многом несправедливая, ведет свое начало от Г. Ф. Миллера¹ и А. Л. Шлецера². Так, Миллер утверждал, что в истории Ломоносов не показал «себя искусным и верным повествователем»*. Шлецер назвал его «совершенным невеждой во всем, что называется историческою наукою». Не довольствуясь таким приговором, он по сути навесил на Ломоносова ярлык национал-патриота, объяснив его выступление против Миллера тем, «что в то время было озлобление против Швеции»**. Эти мнения, проистекавшие из той позиции, которую занимал Ломоносов в варяжском вопросе и при обсуждении диссертации-речи Миллера, получили дальнейшее развитие в трудах авторитетных представителей исторической и общественной мысли России.

Чтобы понять, насколько справедлив приговор Ломоносову как историку, вынесенный заинтересованной стороной — норманистами³, следует обратиться к первоисточникам: к диссертации Миллера «О происхождении имени и народа российскаго» и замечаниям на нее Ломоносова. Над своим произведением Миллер работал с весны 1749 года, готовясь прочитать его на первой в истории Академии наук «ассамблее публичной», назначенной на 6 сентября (на следующий день после тезоименитства императрицы), а затем перенесенной на 26 ноября (на другой день празднеств годовщины ее восшествия на престол). Одновременно с Миллером получил предписание выступить на торжественном собрании с похвальным словом Елизавете Петровне Ломоносов. Как подчеркивалось в определении канцелярии Академии, оба сочинения «требуют великого осмотра, так как новое дело», в связи с чем они были предварительно «апробованы» президентом Академии наук К. Г. Разу-

---

* Миллер Г. Ф. О народах издревле в России обитавших. СПб. 1788, с. 127.

** Общественная и частная жизнь Августа Людвиг Шлецера, им самим описанная. СПб. 1875, с. 48, 56, 193–196, 200–201, 207, 227, 229–230; Шлецер А. Л. Нестор. Ч. I. СПб. 1809, с. 325, 430.

мовским и его правой рукой Г. Н. Тепловым, находившимися тогда в Москве. Похвальное слово Ломоносова в начале августа 1749 года было ими одобрено и разрешено к печати. Но у них вызвала сомнение речь Миллера, в связи с чем Теплов, возвращая ее первую часть, советовал «некоторые строки выпустить». Это сомнение возрастало по мере знакомства с нею, и по решению президента она была передана на экспертизу коллегам Миллера. 21 августа советник канцелярии, библиотекарь Петербургской академии наук И. Д. Шумахер поставил Теплова в известность о мнении профессоров: если напечатать ее в том виде, как есть, то «это было бы уничижением для Академии»*.

Через два дня на соединенном Академическом и Историческом собрании речь была «торопливо» рассмотрена и разрешена к печати с учетом замечаний, поступивших от присутствующих. Но, как уведомлял Шумахер Теплова, «Миллер не хочет уступить, а другие профессора не хотят принять ни его мнения, ни его способа изложения»**.

Перенос торжественного заседания Шумахер использовал для организации пересмотра диссертации Миллера «по отдельности», и она была послана И. Э. Фишеру, Ф. Г. Штрубе де Пирмонту, С. П. Крашенинникову, В. К. Тредиаковскому, М. В. Ломоносову, Н. И. Попову с тем, чтобы «освидетельствовать, не сыщется ль во оной чего для России предосудительного». Названные лица и на сей раз вынесли ей тот же вердикт, что и при первом знакомстве с нею, но только использовав теперь формулировку канцелярии Академии: они расценили речь именно как «предосудительную России». После того как Миллер обвинил оппонентов в пристрастном отношении к своей работе, в стенах Академии разгорелась острая дискуссия (октябрь 1749 — март 1750 г.)***. В итоге диссертация была забракована, а отпечатанный тираж был уничтожен. Но она не пропала для потомства и многократно была явлена ученому миру, да и не только ему. К 1773 году в Геттингене, по словам Миллера, она была напечатана «уже вторым тиснением». С основными ее положениями, лишь несколько измененными под воздействием критики Ломоносова, могли ознакомиться и русские читатели. В 1761 году она была опубликована как вводная часть исследования Миллера, посвященного истории Новгорода, одновременно на страницах «Сочинений и переводов к пользе и увеселению служащих» и академического журнала «Sammlung russischer Geschichte». Глав-

---

* Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 8. М.—Л. 1959, с. 954–956.

** Билярский П. С. Ук. соч., с. 755; Пекарский П. П. Дополнительные известия для биографии Ломоносова. СПб. 1865, с. 48.

*** Миллер Г. Ф. О народах..., с. 122; Пекарский П. П. История императорской Академии наук в Петербурге. Т. I. СПб. 1870, с. 405.

ные ее мысли Миллер затем повторил в книге «О народах, издревле в России обитавших», изданной в 1773 году в Петербурге*.

При обсуждении полемики Ломоносова и Миллера симпатии большинства специалистов были на стороне последнего. Тому способствуют несколько обстоятельств. Первое из них заключалось в том, что Ломоносов якобы не мог терпеть иностранцев, потому-де он так и третировал Миллера. Еще Шлецер утверждал, что «русский Ломоносов был отъявленный ненавистник, даже преследователь всех нерусских»**. Ни Шлецер, ни те, кто за ним повторяли это обвинение, старательно игнорировали дружбу Ломоносова с работавшими в России иностранными учеными***. После смерти Г. В. Рихмана, с которым, по признанию Ломоносова, его связывали «согласие и дружба», он принимает живейшее участие в судьбе его семьи, оставшейся совершенно без средств к существованию. Ломоносов говорит о «добром сердце и склонности к российским студентам» И. Г. Гмелина, читавшего «им в Сибири лекции, таясь от Миллера, который в том ему запрещал». У И. А. Брауна он отмечал «старание о научении российских студентов и притом честная совесть особливой похвалы и воздаяния достойны». Был очень близок со Я. Я. Штелиным, которого, единственного из своих знакомых, называл в письмах другом и который провел с умирающим Ломоносовым последние дни****. Ломоносов, которого рисуют непримиримым борцом за «чистоту» рядов российской науки, рекомендовал для работы в Академии И. К. Шпангенберга и К. Дахрица. В отношении своего учителя немца Х. Вольфа он проявил беспримерный такт. Видя, что его физические воззрения вошли в решительное противоречие с взглядами Вольфа, Ломоносов на протяжении нескольких лет не решался опубликовать результаты своих наблюдений, боясь «омрачить старость мужу, благодеяния которого по отношению ко мне я не могу забыть»*****.

---

* *Миллер Г. Ф.* Краткое известие о начале Новгорода и о происхождении российского народа, о новгородских князьях и знатнейших онаго города случаях.— Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. Ч. 2. Июль. СПб. 1761, с. 3–13; *Müller G. F.* Krfrzgefasste Nachricht von dem Urspr range der Stadt Nowgorod und der Russen Überhaupt, nebst einer Reihe der nowgorodischen Flirsten, und der Stadt vornehmsten Begbenheiten.— Sammlung russischer Geschichte. Bd. 5. Stud. 4. SPb. 1761, S. 381–392.

** *Общественная и частная жизнь... Шлецера...*, с. 196.

*** *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. Т. 10. М.-Л. 1957. с. 61, 280, 293, 484–485, 489; *Меншуткин Б. Н.* Жизнеописание Михаила Васильевича Ломоносова. М. — Л. 1937, с. 226.

**** *Ломоносов М. В.* Поли. собр. соч. Т. 10, с. 286, 503, 506–508.

***** *Пекарский П. П.* Дополнительные известия... с. 22–24; *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. Т. 6. М.—Л. 1952, с. 9–12, 541–543; *Пештич С. Л.* Русская историография XVIII века, с. 171–173.

Ломоносов, которому приписывают особую нелюбовь к Миллеру, полностью поддержал его в конфликте с П. Н. Крекшиным, когда тот, получив отрицательный отзыв Миллера на свое сочинение по генеалогии, где выводил Романовых от Рюриковичей, обвинил его в «государственном преступлении». Ломоносов, решительно встав в этом деле, связанном с высочайшей фамилией, на защиту правоты немца Миллера и выступив против фальсификации Крекшина, проявил, как справедливо заметил С. Л. Пештич, «большое гражданское мужество»*. Борясь за торжество правды и справедливости в науке, Ломоносов не был, конечно, «ксенофобом, жизненная задача которого заключалась в борьбе с иноземцами». Эти слова произнес недавно Э. П. Карпеев, правда, сведя все лишь к «идейным позициям» тех, кто стремился использовать его имя в своих целях. Но подобное представление о русском гении создали именно норманисты**.

Отношения между Ломоносовым и Миллером — Шлецером были очень непростыми, в них много всего было, но на них нельзя смотреть только с позиций последних. Так, они постарались после смерти русского ученого в самом негативном свете выставить его перед зарубежными историками***. В Германии были напечатаны «недоброжелательные рецензии на труды Ломоносова», в которых «совершенно отчетливо прослеживается влияние, а быть может и авторство, А. Л. Шлецера и, вероятно, Г. Ф. Миллера». Шлецер в своих мемуарах постарался навязать просвещенной Европе более чем отталкивающий образ Ломоносова, утверждая, что он противился изданию «Повести временных лет» (ПВЛ) и труда В. Н. Татищева, так как хотел напечатать свой «Краткий Российский летописец», что он был полон «варварской гордости», тщеславия, что он клеветник, кляузник, грубый невежда, горький пьяница, «дикарь», который стремился не только удалить Шлецера из Академии, но и желал его «погибели, в серьезном значении»****.

Второе из обстоятельств, определяющих расположение исследователей к Миллеру, это их убежденность в исключительно патриотической подоплеке выступления Ломоносова против идей норманизма, только в силу политических пристрастий добившегося запрета диссертации немца, отстаивавшего истину. Но нелестные отзывы на нее дали и нерусские ученые: профессор истории И. Э. Фишер (Шлецер высоко ставил его «классическую критику»

---

* Пештич С. Л. Русская историография XVIII века. Ч. II. Л. 1965, с. 172.

** Карпеев Э. П. Ломоносов в русской культуре. Вместо предисловия. — Ломоносов. Т. IX. СПб. 1991, с. 3.

*** Городинская Р. Б. Ломоносов в немецкой литературе XVIII в. — Ломоносов. Т. IX, с. 129–131.

**** Общественная и частная жизнь... Шлецера..., с. 56. 187, 193–196, 198, 200, 220, 222, 229. 273.

и знание «классических древностей»*) и Ф. Г. Штрубе де Пирмонт, которых, в отличие от Ломоносова, сложно было записывать в патриоты. Уже один этот факт многое говорит о научной значимости рецензируемого ими труда, что подтверждают мнения крупнейших норманистов, немцев по происхождению. Так, Шлецер увидел во многих положениях диссертации Миллера «глупости» и «глупые выдумки»**, А. А. Куник же в целом охарактеризовал ее «препустою». Тем самым они, не желая того, признавали принципиальную правоту Ломоносова в ее оценке и отметили домыслы об отсутствии в его критике каких-либо серьезных оснований, кроме как только патриотических.

Рассматривая причины противостояния Ломоносова и Миллера лишь как русского и немца, норманисты, чрезмерно преувеличивая роль «патриотического фактора» и упрощенно сводя принципиальную позицию Ломоносова лишь только к последнему, тем самым искажают ее, отчего из поля их зрения выпадают подлинные причины разгоревшейся полемики между ними. А этих причин две и обе названы Ломоносовым. Во-первых, свое неприятие диссертации Миллера он объяснял в ходе самой дискуссии тем, что она, служа «только к славе скандинавцев или шведов... к изъяснению нашей истории почти ничего не служит (курсив мой. — В. Ф.)», т. е. фактически не имеет никакого отношения к русской истории. Во-вторых, в 1764 году Ломоносов добавил, что Миллер при сочинении диссертации «избрал материю, весьма для него трудную, — о имени и начале российского народа»***.

Третье из обстоятельств, заставляющих ученых занимать сторону Миллера, это как раз то, что Ломоносов, по их понятиям, «не был профессиональным историком». У истоков такого мнения стоял Шлецер, говоривший, что между всеми русскими, «писавшими до сих пор русскую историю, нет ни одного ученого историка»****. «...Что от химика по профессии, — иронизировал он в адрес Ломоносова, — уже а priori можно было бы ожидать такой же отечественной истории, как от профессора истории»*****. Но сами немецкие ученые не то что в «профессора истории», но даже в историки не готовились, а стали таковыми, как и Ломоносов, в ходе самостоятельной работы. Байер, еще в школе начав изучать языки и историю церкви, продолжил свое образование в Кенигсбергском университете, где защитил диссертацию по крестным словам Иисуса Христа, по-

* Там же, с. 70, 171.

** Греков Б. Д. Ломоносов — историк. — Истории марксист. 1940, № 11, с. 20.

*** Забелин И. Е. История русской жизни с древнейших времен. Ч. I. М. 1876, с. 84.

**** Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 6, с. 40; там же. Т. 10, с. 287–288.

***** Общественная и частная жизнь... Шлецера..., с. 56; Шлецер А. Л. Нестор. Ч. I, с. 325, примеч.

сле чего занимался в основном Востоком и Китаем. Миллер, не завершив университетского образования, интересовался этнографией и экономикой. Шлецер, проучившись около трех лет на богословском факультете Виттенбергского университета, защитил там диссертацию «О жизни Бога». Затем год слушал лекции по филологическим и естественным наукам в Геттингенском университете, где увлекся филологической критикой библейских текстов, говоря в последствии, что «я вырос на филологии». Некоторое время спустя, в том же университете, он изучал медицину (и защитил по ней диссертацию), естественные науки, метафизику, математику, политику, статистику, юриспруденцию*.

В университете Байер, Миллер, Шлецер, получая типичное для того времени общее образование, могли ознакомиться с историей, но только с древней, да и то лишь «в своих главных событиях», по словам Шлецера. Другие периоды в истории человечества не интересовали тогдашних ученых мужей. К русской же истории они начали приобщаться только по приезду в Петербург. Некоторое исключение представляет Шлецер, который перед отъездом в Россию два с половиной месяца «усиленно изучал Россию». Какого качества были эти знания, признает он сам: к середине XVIII века Россия была совершенно ложно представлена «иностранцам большей частью людьми недовольными»**. Шлецер в марте 1764 года в письме Ф. Эпинусу сообщал, что «русская история стала моим занятием в такой степени, что я без всякого раздумья хотел заменить ею библейскую филологию». Но еще тогда путешествие на Восток, как он сам же пишет, не вышло из его ума***. И лишь в июне 1764 года Шлецер заявил, что желает посвятить себя русской истории****, с головой уйдя в нее по возвращении в Германию, когда стал преподавать ее и работать над привезенными из России материалами*****.

Ломоносов, выросший на русском Севере, аккумулировавшем народную память, уже с детства, по словам В. И. Ламанского, впитывал историю Родины. Слушая в Славяно-греко-латинской академии курсы истории, а также пиитики и риторики, укреплявшие его интерес к истории вообще, он, овладев в совершенстве латынью

---

* *Общественная и частная жизнь... Шлецера...*, с. 1–2, 303; *Пекарский П. П. История...* Т. I, с. 181–187, 309–310; *Бестужев-Рюмин К. Н. Биографии и характеристики (летописцы России)*. М. 1997, с. 150–152, 158.

** *Общественная и частная жизнь... Шлецера...*, с. 3, 9, 31.

*** August Ludwig v. Schlilzer und Russland.— Eingeleitet und unter mitarbeit von L. Richter und L. Zeil herausgegeben von E. Winter. В. 1961, s. 46; *Общественная и частная жизнь... Шлецера...*, с. 176, 180.

**** *Общественная и частная жизнь... Шлецера...*, с. 288–289.

***** *Ламанский В. И.* Михаил Васильевич Ломоносов. Биографический очерк.— *Отечественные записки*. Т. CXLVI. СПб. 1864, с. 269, 275–279.

(ее он знал, свидетельствует историк Фишер, «несравненно лучше Миллера»*) и читая по-гречески, самостоятельно изучает отечественные и зарубежные источники, приумножая в дальнейшем знания русской и европейской истории и совершенствуя навыки в работе с письменными памятниками в Киеве. Сверх того, Ломоносов получил прекрасное европейское образование в Марбургском университете под руководством знаменитого Х. Вольфа. И университет он закончил просто блестяще. Вольф, характеризуя своего воспитанника, отмечал в июле 1739 года: «Молодой человек с прекрасными способностями, Михаил Ломоносов со времени своего прибытия в Марбург прилежно посещал мои лекции математики и философии, а преимущественно физики и с особенною любовью старался приобретать основательные познания. Нисколько не сомневаюсь, что если он с таким же прилежанием будет продолжать свои занятия, то он со временем, по возвращению в отечество, может принести пользу государству, чего от души и желаю»**.

Успешно овладевая в Германии — по программе — математикой, механикой, химией, физикой, минералогией, металлургией, философией, Ломоносов занимался еще риторикой, изучением западно-европейской литературы, стихотворными переводами, писал стихи, создал труд по теории русского стихосложения, овладел немецким и французским языками. Не оставил он за границей и своей тяги к истории России. Так, в 1740 году им была приобретена «История о великом княжестве Московском» шведа П. Петрея***, вышедшая во втором десятилетии XVII века на шведском и немецком языках. Продолжал он и накапливать свой исторический потенциал и по возвращении домой. О его высоком авторитете как историка перед началом дискуссии говорит тот факт, что свою «Историю Российскую» к нему на рецензирование направил В. Н. Татищев. Лестно оценив этот труд, Ломоносов особенно отметил «Предъизвещение», которым он открывался. В письме автору от 27 января 1749 года Ломоносов подчеркивал, что «оно весьма изрядно и во всем достаточно и поправления никакого не требует»****. Столь высокая характеристика введения, в котором Татищев обосновывает принципы понимания истории, задачи ее изучения, отбора и критики источников, в свою очередь характеризует Ломоносова как историка.

Сам же интерес Ломоносова к варяжской проблеме пробудился задолго до 1749 года. В преддверии отъезда в Россию он из Марбурга обратился в апреле 1741 года с просьбой к Д. И. Виноградову (товарищу по учебе в Германии, находившемуся во Фрейберге)

* Пекарский П. П. Дополнительные известия, с. 49.

** Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 10, с. 570–571; Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова. М.—Л. 1961, с. 46.

*** Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова, с. 51, 58.

**** Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 10, с. 461–462.

выслать три книги из числа тех, что оставил, покинув этот город, а именно риторику француза Коссена, сочинение немецкого поэта Гюнтера и названное выше сочинение Петрея*. Почему же Ломоносов, остро нуждавшийся в средствах, не хотел расстаться именно с этими книгами? В отношении Коссена и Гюнтера все предельно ясно. Именно в рамках тематики этих трудов шла тогда интенсивная работа Ломоносова, вылившаяся в 1740-х годах в новаторские исследования по риторике и поэзии. Внимание к Петрею могло быть вызвано только тем, что у этого автора Ломоносов впервые встретил пояснение, положившее начало норманизму, «что варяги вышли из Швеции»**. В пользу целенаправленного интереса ученого к варягам до 1749 года говорит и тот факт, что к этому времени он очень хорошо знал знаменитую статью Г. З. Байера «De Varagis» («О варягах»), часто упоминая ее в дискуссии с Миллером.

В Библиотеке Академии наук имеются рукописи, поступившие в ее фонды до 1749 года и хранящие пометки Ломоносова. Так, в Патриаршем списке Никоновской летописи им особенно подчеркнуты те места, где излагается Сказание о призвании варягов, а в Хронографе редакции 1512 года и Псковской летописи выделена иная, нежели в ПВЛ, версия этого памятника. И в других летописях Г. Н. Моисеева нашла следы работы ученого над теми текстами, где идет речь о варягах (например, что Ягайло «съвокупи литвы много и варяг и жемоти и поиде на помощь Мамаю», причем Ломоносов внизу сделал сноску: «варяги и жмудь вместе»). Моисеева полагает, что интерес Ломоносова к варяжской теме обозначился в полемике с Миллером***. Но этот вывод ставит под сомнение материал, который она сама открыла в Киеве и с которым работал Ломоносов, будучи несколько месяцев в этом городе в 1734 году. Так, в рукописи Киево-Печерского Патерика им выделена та часть, где говорится о Варяжской пещере, в которой «варяжский поклажай есть, понеже съсуди латиньстии суть. И сего ради Варяжскаа печера зовется и доныне», а на полях Ломоносовым приписано: «Latini wasi [s]» («латинские сосуды») ****.

Многолетняя и целенаправленная работа с историческими источниками и исторической литературой превратила Ломоносова к 1749 году в высокопрофессионального историка. Об уровне квалификации Ломоносова в этой области знаний свидетельствует его отношение к источникам, и этот уровень диктовался как предыду-

---

* Там же, с. 433.

** *Петрей П.* История о великом княжестве Московском. М. 1867, с. 90–91.

*** *Моисеева Г. Н.* Ломоносов в работе над древнейшими рукописями (по материалам ленинградских рукописных собраний).— Русская литература. 1962, № 1, с. 184, 187–189.

**** *Моисеева Г. Н.* М. В. Ломоносов на Украине.— Русская литература XVIII в. и славянская литература. М.— Л. 1963, с. 90. 98–99.

щими занятиями историей, так и всем кругом научных интересов Ломоносова, в котором он уже показал себя выдающимся ученым, в совершенстве владеющим методами научного познания. Это сразу же позволило ему увидеть односторонность Миллера в отборе источников. Вопрос об источниковой базе оппонента Ломоносов, что характеризует его профессионализм, поднял в самом первом пункте своего первого отзыва на диссертацию, указав, что Миллер использовал только иностранные памятники, совершенно игнорируя русские и скрывая свою тенденциозность утверждением, «будто бы в России скудно было известиями о древних приключениях». Вместе с тем заметив, что Миллер выборочно пользуется свидетельствами иностранных авторов, которых употребляет «весьма непостоянным и важному историографу непристойным образом, ибо где они противны его мнениям, засвидетельствует их недостоверными, а где на его сторону клонятся, тут употребляет их за достоверных», при этом отдавая предпочтение «готическим басням»*.

Миллер, хотя и пишет в диссертации, что у датчан и норвежцев древняя история «наполнена баснями и написана больше для своей похвалы», но тут же жестко задает цель своего сочинения: что из их истории «объявлю, чем показать можно, что скандинавы всегда старались наипаче о приобретении себе славы российскими походами»**. Тенденциозный подбор Миллером источников был виден, кстати, не только Ломоносову. На абсолютизацию свидетельств северных авторов Миллеру указывал и Ф. Г. Штрубе де Пирмонт***. И во многом справедливы слова Ломоносова: «опустить историю скандинавов в России» надо потому, что она «состоит из нелепых сказок о богатырях и колдуньях, наподобие наших народных рассказов вроде сказки о Бове-королевиче». Уровень доказательств Миллера и запрограммированность самой речи полно характеризует его реакция на упоминание Ломоносовым Бовы-королевича, известного героя русской волшебной богатырской повести: «Не помню, чтобы я когда-нибудь слышал рассказ о королевиче Бове; на основании имени подозреваю, что он, пожалуй, согласуется с северными рассказами о Бове, брате Бальтера... если бы это было так, то он еще больше иллюстрировал бы связь между обоими народами»****.

Правоту Ломоносова, отдававшего, по сравнению с Миллером, приоритет летописям перед скандинавскими сагами, подтвердили именитые норманисты. Так, Шлецер, выделяя ПВЛ из числа средневековых памятников, отмечал, что она превосходна «в сравнении с беспрестанной глупостью» саг, называл последние «бред-

---

* Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 6, с. 19–20, 80.

** Сочинения М. В. Ломоносова. С объяснительными примечаниями академика М. И. Сухомлинова. Т. 5. СПб. 1902, с. 161–162.

*** См.: Пештич С. Л. Русская историография XVIII века, с. 229.

**** Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 6, с. 72, 74.

нями исландских старух», которые необходимо выбросить из русской истории, сожалел о том, что Байер «слишком много верил» им. Карамзин противопоставлял саги — «сказки, весьма недостоверные» — летописям, достойным «уважения», заметив в отношении Миллера, что он в своей речи «с важностью повторил сказки» Саксона Грамматика о России. Со временем Миллер изменил свой взгляд на летописи. И если в 1755 году он, рассуждая о ПВЛ, указывал, что подобной летописи другие славянские народы не имеют, то в 1760–1761 годах уже подчеркивал, что летописи представляют собой «собрание российской истории, толь совершенное, что никакой народ подобным сокровищем, толь много лет в непрерывном продолжении включительным, хвалиться не может». Значительно сдержаннее он стал и в оценке саг, говоря, что в них находится «много бесполезного, гнусного и баснословного, а особливо что нельзя оттуда выбрать никакого согласного леточисления»*.

Ломоносов заключал, что «иностранные писатели ненадежны» при изучении истории России, так как имеют «грубые погрешности»**.

Миллер усвоил и эту часть урока по источниковедению, который ему преподавал оппонент, говоря в 1755 году, что если пользоваться только иностранными авторами, то «трудно в том избрести самую истину, ежели притом» не работать с летописями и хронографами. Позже он добавил, что иностранцы не долго были в России, большинство из них не знало русского языка, и «то они слышали много несправедливо, худо разумели, и неисправно рассуждали»***.

Но лучше по этой теме сказал Шлецер. Характеризуя работу профессора Г. С. Трейера «Введение в Московскую историю» (1720 г.), излагающую ее с Ивана Грозного и лишь на основе записок иностранцев, он был весьма немногословен: «Слепца водили слепцы»****.

Вместе с тем Ломоносов не абсолютизировал показания отечественных памятников, в то же время предостерегая от отказа от них лишь на том

---

* Шлецер А. Л. Нестор. Ч. 1, с. XIX, 49, 52–55, 65, 149, 276–285, 420, 425–426; Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. I. СПб. 1918, с. 45, примеч. 78, 96, 106; Миллер Г. Ф. О первом летописателе российском, преподобном Несторе, о его летописи, и о продолжателях оныя. — Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие. Апрель. СПб. 1755, с. 276; его же. Опыт новейшей истории о России. — Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. Январь. СПб. 1761, с. 8; его же. О народах..., с. 98; Müller G. F. Versuch einer neueren Geschichte von Russland. — Sammlung russischer Geschichte. Bd. 5. Stud. 1–2. SPb. 1760, S. 6.

** Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 6, с. 19–20.

*** Миллер Г. Ф. Разговор о двух браках, введенных чужестранными писателями в ряд великих князей всероссийских. — Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие. Февраль. СПб. 1755, с. 83; его же. Опыт новейшей истории о России, с. 7; Müller G. F. Versuch..., S. 5.

**** Шлецер А. Л. Нестор. Ч. I, с. рли.

основании, что «в наших летописях не без вымыслов меж правдою, как то у всех древних народов история сперва баснословна, однако правды с баснями вместе выбрасывать не должно, утверждаясь только на одних догадках». Под влиянием Ломоносова, Миллер кардинально поменял свое отношение к исследованиям зарубежных историков, касавшихся варяжского вопроса, став относиться к ним критически. Так, в ходе дискуссии он советовал Ломоносову почитать шведа О. Далина*, полагая, что тот развеет все их сомнения в норманстве варягов. Но уже в 1761 году Миллер сказал о неправоте Далина, «когда немалую часть российской истории внес в шведскую свою историю», а в 1773 году прямо назвал все его разглагольствования «вымыслами». Стоит в этом случае заметить, что Шлецер, говоря о «смешных глупостях» писавших о России иностранных ученых, в качестве примера назвал «Далинов роман о Голмгордском царстве (курсив автора.— В. Ф.)». А Карамзин охарактеризовал выводы шведского историка «нелепостями» и «баснословием»**.

Говоря об исторических трудах Ломоносова обычно указывают, как он ошибался, считая, например, пруссов славянами. Но подобными заблуждениями полна, в силу своего еще младенческого состояния, тогдашняя историография, и их много у немецких историков. Так, Байер ставил знак равенства между названием «Москвы» («Moskau») и «мужской» («Musik»), т. е. монастырь, и между Псковом и псами, увидел на Кавказе народ «дагистанцы», а в «Казахии» «древнейшее казацкого народа поселения», на что Татищев сказал: «Дагистань не есть особый народ, но общее всех в горах Кавказских обитающих народов звание персидское», и «казацкого народа древность Беера подобными именами не одна обманула». Он же уверял, что в Сибири живет народ чудь, а «чудь иное есть, как не самое имя скиф». И вновь Татищев разъяснял, что в Сибири нет такого народа и что «чудь и скиф разных языков и разное знаменование». Утверждение Байера, что литовцы зовут русских «гудами», т. е. готами, опять оспорил Татищев: «Сего имени я ни в польских, ни в русских не нахожу, но Стрыковский сказует, что они русских зовут креви». А его мнение, что до Владимира на Руси не было письменности, Татищев прямо охарактеризовал как «ложь»***.

* Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 6, с. 20, 69.

** Миллер Г. Ф. Краткое известие..., с. 9; его же. О народах..., с. 101; Шлецер А. Л. Нестор. Ч. I, с. р, примеч.; Карамзин Н. М. Ук. соч. Примеч. 96 и 106.

*** Полевой Н. А. История русского народа. Т. I. М. 1997, с. 453, примеч. 36; Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. Минск. 1997, с. 148–149; Bayer G. S. De Varagis.— Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. Т. IV. Petropoli. 1735, р. 294; Татищев В. Н. История Российская. Т. I. М.—Л. 1962, с. 186, 189, 208, 214, 221, 299, примеч. 8 на с. 202, примеч. 17 на с. 203, примеч. 8 и 9 на с. 226, примеч. 61 на с. 231, примеч. 24 на с. 309.

Причину этих и других ошибок Байера Татищев видел в том, что «ему русского языка, следственно русской истории, недоставало» (как и «географии разных времен»), так как он не читал летописи, «а что ему переводили, то неполно и неправо», поэтому, «хотя в древностях иностранных весьма был сведом, но в русских много погрешал». И Шлецер говорил, что Байер, не зная русского языка, «зависел всегда от неискусных переводчиков и наделал важные ошибки» и что у него «нечему учиться»*.

Принципиальные ошибки связаны с именем Шлецера. Так, он отрицал существование летописей до Нестора, хотя знал как мнение В. Н. Татищева и И. Н. Болтина, что «были прежде Нестора летописцы, но писания их от времени утратились», так и работу Миллера, в которой тот, вслед за Татищевым, утверждал, что «Нестор уже застал письменные известия, по которым сочинил он свою летопись»**. И его метод работы по восстановлению «чистого» Нестора М. Д. Приселков охарактеризовал «величайшим произволом»***. Шлецер также привнес в науку тезис о крайне низком уровне развития восточных славян, а несогласных с тем резко обрывал. Так, вывод немецкого экономиста А. К. Шторха, что до Рюрика у восточных славян существовала торговля, назвал «ненаучным» и «уродливым»****. К. Н. Бестужев-Рюмин констатировал, что Шлецер «внес большую смуту в умы», ибо смотрел на славян как на «американских дикарей», которым скандинавы «принесли веру, законы, гражданственность»*****. В угоду норманизму Шлецер пошел на отрицание подмеченного Байером факта, что россы были в Восточной Европе прежде Рюрика^{6*}. Он же навязывал науке мнение, что русская история начинается лишь «от пришествия Рюрика» и основания русского «царства», в чем Л. В. Черепнин увидел сильное отставание «от исторической науки своего времени»^{7*}.

* Татищев В. Н. Ук. соч., с. 90, 93, 201, 225, примеч. 39 на с. 229, примеч. 73 на с. 232; *Общественная и частная жизнь... Шлецера...*, с. 49, 305; Шлецер А. Л. Нестор. Ч. 1, с. рм.

** Шлецер А. Л. Нестор. Ч. I, с. XIX, 149, 276; Татищев В. Н. Ук. соч., с. 96–97, 107; Болтин И. Н. Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка. Т. I. СПб. 1788, с. 58, примеч.; Миллер Г. Ф. О первом летописателе, с. 275.

*** Приселков М. Д. История русского летописания XI–XVI вв. СПб. 1996, с. 43.

**** Шлецер А. Л. Нестор. Ч. I, с. 388–390.

***** Бестужев-Рюмин К. Н. Биографии и характеристики, с. 170.

^{6*} Вауер G. S. Op. cit., p. 281; Шлецер А. Л. Нестор. Ч. I, с. XXVIII, с. 258, 315; там же. Ч. II. СПб. 1816, с. 86, 107, 109–110, 114.

^{7*} Шлецер А. Л. Нестор. Ч. I, с. 418–419; Черепнин Л. В. А. Л. Шлецер и его место в развитии русской исторической науки (из истории русско-немецких связей во второй половине XVIII — начале XIX в.). — Международные связи России в XVII–XVIII вв. (Экономике, политике и культуре). М. 1966, с. 212.

В целом, как заключал В. О. Ключевский, Шлецер «не был достаточно подготовлен к научному изучению истории России», а в «Несторе» «собственно, не двинулся ни на шаг вперед сравнительно с самим Нестором в понимании фактов». А. А. Зимин констатировал, что «как историк Древней Руси, Шлецер намного слабее», чем критик текста летописи*. Впрочем, лучше всего сказал сам Шлецер, признавшись, «что для серьезных читателей, а тем более для ученых историков-критиков он не способен написать связной русской истории»**, хотя и ставил перед собой такую цель.

Но более всего скептически отзываются историки об исходном уровне знаний Миллера. Так, Шлецер говорил, что дискуссия надолго отбила у Миллера охоту к русской истории, «для занятия которою у него без того не доставало знания классических литератур и искусной критики». П. Н. Милюков отмечал отсутствие у Миллера «строгой школы и серьезной ученой подготовки». А. Л. Шапиро указывал, что Миллер, «не окончив курс университетских наук, и к историографическим штудиям прибился случайно»***. Сам Миллер был очень скромнен в оценке своих возможностей. Направляясь в Россию, пределом своих мечтаний имел только служебную карьеру: «Я более прилежал к сведениям, требуемым от библиотекаря, рассчитывая сделаться зятем Шумахера и наследником его должности». И лишь когда эти планы не сбылись, он «счел нужным проложить другой, ученый, путь»****. Этот путь Миллер в конечном итоге пройдет, и пройдет с честью. Но он давался ему невероятно сложно, ибо изучение русской истории Миллер начинал с абсолютного нуля, и этот процесс долгое время отягощался незнанием русского языка, а тем паче языка летописей, что закрывало доступ к самым важным источникам. За пять лет своего пребывания в России в этом направлении Миллер мало что сделал, о чем достаточно полно говорит характеристика, которая была ему дана при назначении профессором истории в июле 1730 года. Она более чем сдержана и нацелена только на перспективу: «Хоть г. Герхард Фридрих Мюллер и не читал еще до сих пор в Академическом собрании никаких своих исследований, так как его работы собственно к тому и не клонятся, однако же составленные и напечатанные им еженедельные «Примечания» успели дать достаточное представление об его начитанности

---

* Ключевский В. О. Лекции по русской истории. — Сочинения. Т. VIII. М. 1959, с. 449, 451; Пештич С. Л. Русская историография XVIII века, с. 236.

** Коялович М. О. Ук. соч., с. 160.

*** Общественная и частная жизнь... Шлецера..., с. 30, 48; Милюков П. Н. Главные течения русской исторической мысли. СПб. 1913, с. 67, 69, 72; Шапиро А. Л. Историография с древнейших времен по XVIII век. Курс лекций. Л. 1932, с. 155; его же. Историография с древнейших времен до 1917 года. Л. 1993, с. 191.

**** Пекарский П. П. История. Т. I, с. 317–318.

в области истории, о ловкости его изложения, об его прилежании и об умении пользоваться здешней Библиотекой. Можно поэтому надеяться, что если эта прекрасная возможность за ним сохранится, если повседневной работы у него поубавится и если, вследствие этого, у него освободится больше времени для частного изучения истории, то, изучая ее таким образом, он сумеет выдвинуться, в каких-либо целях ему можно было бы доверить кафедру истории»*.

Даже к 1749 году Миллер имел незначительный опыт работы в области русских древностей. Его начальные занятия сводились к составлению родословных таблиц. О степени его вхождения в русскую историю и сложный мир летописей свидетельствует тот факт, что Миллер, опубликовав в 1732–1735 годах немецкий перевод извлечений из летописи, приписал ее «игумену Феодосию», что за ним повторил Байер**. Лишь под воздействием Татищева Миллер и в диссертации, и в дальнейшем говорил, что ПВЛ написал Нестор, «прежде сего ошибкою переводчика Феодосием назван»***. Но дело было не только в переводчике: в конце 1740-х годов Миллер Сильвестра, чье имя в качестве составителя ПВЛ читается в ряде летописей, выдавал за игумена Никольского, а не Выдубицкого монастыря, в чем его опять же поправил Татищев. Еще в 1761 году он демонстрировал не весьма основательные знания русской истории. Так, в «Кратком известии о начале Новагорода и о происхождении российского народа...», охарактеризованном С. Л. Пештичем как «упрощенное описание новгородской истории», Миллер увидел в боярах выборных лиц, а термин «тысяцкий» наивно объяснял тем, что тот-де должен был «стараться о благосостоянии многих тысяч человек»****. Не зная ни истории Руси, ни русского языка, он с самого начала смотрел на нее глазами, если повторить его слова, «норвежских и древних датских поэтов и историков»*****.

Пребывание Миллера в Сибири (1733–1743 гг.) и последующая работа над «Сибирской историей» явились причинами большого перерыва в его интересе к ранней истории Руси (в споре с Крещиным он упомянул лишь о сверке своих прежних генеалогических разысканий). К этой истории он обратился лишь весной 1749 года,

---

* Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 10, с. 701.

** Müller G. F. Nachricht von einem alten. Manuscript der russischen Geschichte des Abtes Theodosii von Kiow.— Sammlung russischer Geschichte. Bd. I. Stud. I. SPb. 1732, s. 1; Auszug russischer Geschichte nach Anleitung des Chronici Theodosiani Kiouiesis.— Ibid. Stud. I–VI. SPb. 1732–1735; Bayer G. S. Op. cit., p. 303 (305).

*** Татищев В. Н. Ук. соч., с. 309, примеч. 30; Сочинения М. В. Ломоносова, с. 149; Миллер Г. Ф. Разговор..., с. 84; его же. О первом летописателе..., с. 281–282; Müller G. F. Versuch..., S. 6–7.

**** Пештич С. Л. Русская историография XVIII века, с. 214. 221–222.

***** Müller G. F. Nachricht..., S. 4, anm.

когда ему было поручено подготовить речь к торжественному заседанию Академии. Менее чем за полгода ему надлежало раскрыть тему «О происхождении имени и народа российского», которой он доселе никогда не занимался. Задача была нереальной, но Миллер решил ее удобным и единственным для себя способом. Что это был за способ, сразу же определил Ломоносов, говоря в замечаниях на диссертацию про «доводы господина Миллера, у Бейера занятые». В 1761 году он сказал более конкретно: «Миллер в помянутую заклятую диссертацию все выкрал из Бейера». В. О. Ключевский произнес по сути те же слова: Миллер своими изысканиями «сказал мало нового, он изложил только взгляды и доказательства Байера»*. Но все равно дело шло необычайно трудно, так что Миллер начал представлять свою диссертацию на суд президента Академии лишь с 14 августа и то по частям**.

В литературе не принято говорить, в чем же конкретно заключалась «безупречная» аргументация Миллера и что ей противопоставил Ломоносов. А аргументация эта весьма красноречива. Так, Миллер, в согласии с Байером, утверждал, что не было Аскольда и Диара, а был только один «Осколд, по чину своему прозванный Диар, которое слово на старинном готфском языке значит *судью или начальника* (курсив автора. — В. Ф.)», чего не знали летописцы. Это мнение Ломоносов оспорил, сославшись на ПВЛ и М. Стрыйковского. (По словам Карамзина, данную ошибку опроверг А. Л. Шлецер.) Миллер, опираясь на мнение Байера, что литовцы русских называют «гудами», заключал: «из чего, как кажется, явствует, что они или знатнейшая их часть по мнению соседственных народов произошли от готфов». В системе доказательств этого Миллер важное место отвел топонимике. Но его суждение, что название города Холмогоры произошло «от Голмгардии, которым его скандинавцы называли», разбивало простое объяснение Ломоносова: «Имя Холмогоры соответствует весьма положению места, для того что на островах около его лежат холмы»***.

По тому же принципу Миллер попытался превратить название г. Изборска в скандинавское, утверждая, что «он от положения своего у реки *Иссы* (курсив автора. — В. Ф.) именован *Иссабург*, а потом его непрямо называть стали *Изборском*». На что Ломоносов коротко, но исчерпывающе заметил: «Весьма смешна перемена города Изборска на Иссабург». Мысль Миллера попытался закрепить в на-

* Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 6, с. 30, 32–33, 40; там же. Т. 10, с. 233; Ключевский В. О. Ук. соч., с. 402, 483, примеч. 35.

** Билярский П. С. Ук. соч., с. 755.

*** *Bauer G. S.* Op. cit., p. 288; *Татищев В. Н.* Ук. соч., с. 297, 308, примеч. 13; Сочинения М. В. Ломоносова. Т. 5, с. 147, 158, 162; Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 6, с. 23, 40, 78; Карамзин Н. М. Ук. соч., примеч. 282; Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 6, с. 41.

уже Шлецер. Карамзин, возражая Миллеру, отметил обстоятельство, делающее «изъяснение» Изборск как Исаборг бессмысленным: «Но Иса далеко от Изборска». Норманист П. Г. Бутков, указав на это же обстоятельство, привел наличие подобных топонимов в других русских землях. Современные исследователи, видящие в варягах норманнов, говорят, что Изборск... «славянский топоним», и указывают на невозможность его образования от Исы. Данную тему закрывает лингвист С. Роспанд, констатировавший совершенное отсутствие среди названий древнерусских городов IX–X веков «скандинавских названий» вообще. Несмотря на эти исчерпывающие заключения, мнимый скандинавский «Иссабург» ныне вновь стремятся возродить некоторые археологи (Д. А. Мачинский, С. В. Белецкий) *.

Утверждая вслед за Байером, что имя «русь» перешло на восточных славян от финнов, именовавших так шведов, Миллер добавил: «подобным почти образом как галлы франками и британцы агличанами именованы». Происхождения «россов» от шведов Ломоносов охарактеризовал как «на догадках основанное», заметив, что «пример агличан и франков... не в подтверждение его вымысла, но в опровержение служит: ибо там побежденные от победителей имя себе получили. А здесь ни победители от побежденных, ни побежденные от победителей, но всех от чухонцев!». Позиция Ломоносова получила поддержку среди антинорманистов и их противников. По мнению Г. Эверса, «беспримерным и неестественным мне кажется, чтоб завоевывающий народ переменял собственное имя на другое, употребляющееся у соседа, и сообщил сие принятое имя основанному им государству». «Как-то странно допустить... — писал К. Н. Бестужев-Рюмин, — чтобы скандинавы сами называли себя именем, данным им финнами». Принято учеными и заключение

---

* Сочинения М. В. Ломоносова. Т. 5, с. 147; *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. Т. 6, с. 22; *Шлецер А. Л.* Нестор. Ч. I, с. 338; *Карамзин Н. М.* Ук. соч., примеч. 278; *Бутков П. Г.* Оборона летописи русской, Нестеровой, от наветов скептиков. СПб. 1840, с. 61; *Джаксон Т. Н., Рождественская Т. В.* К вопросу о происхождении топонима «Изборск». — Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1986 год. М. 1988, с. 224–226; *Роспанд С.* Структура и стратиграфия древнерусских топонимов. — Восточно-славянская ономастика. М. 1972, с. 21, 62; *Мачинский Д. А.* Этносоциальные и этнокультурные процессы в Северной Руси (период зарождения древнерусской народности). — Русский Север. Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики. Л. 1986, с. 20; *Белецкий С. В.* Изборск «Варяжской легенды» и Труворово городище (проблема соотношения). — Петербургский археологический вестник. № 6. Скифы. Сарматы. Славяне. Русь. СПб. 1993, с. 112–114; его же. Возникновение города Пскова (к проблеме участия варягов в судьбах Руси). — Шведы и Русский Север: историко-культурные связи. (К 210-летию Александра Лаврентьевича Витберга). Материалы Международного научного симпозиума. Киров. 1997, с. 142–146, 149.

Ломоносова, что «имени русь в Скандинавии и на северных берегах Варяжского моря нигде не слыхано». Сначала Миллер признал, что имя россов не было в середине IX века «известно в Швеции», а затем в 1877 году известный норманист В. Томсен согласился, что среди скандинавов не было племени «русь» и так себя они не называли. Миллер, в ходе дискуссии оспаривая мысль Ломоносова, что «российский народ был за многое время до Рюрика», впоследствии сам утверждал, что «россы были и прежде Рурика» (курсив автора. — В. Ф.)*.

Ломоносов, обращая внимание на название устья Немана — Руса, указал на бытование в прошлом Неманской Руси, откуда и выводил варяжских князей на Русь. Эта идея нашла поддержку среди широкого круга исследователей, в том числе и норманистов. Так, Миллер уже после дискуссии говорил о варяжской руси в Пруссии при устье Немана. Карамзин допускал возможность призвания варягов из этого же района. Наличие Руси в устье Немана доказывал в 1840 году И. Боричевский. В конце своей жизни М. П. Погодин пришел к заключению, что варяги-русь в эпоху призвания «жили, вероятнее, в нижнем течении Немана», где их только и надо искать. Все большую роль в науке играет вывод Ломоносова о связи руси с роксоланами. Норманист Г. В. Вернадский полагал, что название русов изначально принадлежало одному из «аланских кланов» — светлым асам (рухс-асам). Д. Т. Березовец установил, что восточные авторы под «русами» понимали алан Подонья. Д. Л. Талис показал существование Причерноморской Руси в VIII — начале X века в Восточном и Западном Крыму, а также в Северном и Восточном Приазовье, увязав ее с аланами. М. Ю. Брайчевский «русские» названия днепровских порогов, приведенные Константином Багрянородным, объяснил из осетинского языка, являющегося наследием аланского. Существование Салтовской и Причерноморской Русий, а также Аланской Руси в Прибалтике, созданной в IX веке русами-аланами после их переселения с Дона из пределов разгромленного хазарами и венграми Росского каганата, обосновал А. Г. Кузьмин**.

* *Bayer G. S.* Op. cit., p. 294, 304 (306); Сочинения М. В. Ломоносова. Т. 5, с. 147; *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. Т. 6, с. 22, 28, 33, 36–37, 39, 41–42; *Эверс Г.* Предварительные критические исследования для российской истории. Кн. 1–2. М. 1826, с. 111; *Бестужев-Рюмин К. Н.* Русская история. Т. I, с. 93; *Миллер Г. Ф.* О народах..., с. 93, 95, 97; *Томсен В.* Начало Русского государства. М. 1891, с. 80, 82.

** *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. Т. 6, с. 33–34, 36, 65–66, 206–209, 295; *Миллер.* с. 50, примеч. III; *Боричевский И.* Руссы на южном берегу Балтийского моря. — Маяк. Т. 7. СПб. 1840, с. 174–182; *Погодин М. П.* Борьба не на живот, а на смерть с новыми историческими ересями. М. 1874, с. 384–390; *Вернадский Г. В.* Древняя Русь. Тверь. Москва. 1996, с. 286, 289; *Талис Д. Л.* Росы в Крыму. — Советская археология. 1974, с. 87–99; *Брайчевский М. Ю.* «Русские» названия порогов у Константина Багря-

Ломоносов, опровергая мнение Миллера, видевшего в варягах лишь датчан, норвежцев и шведов, доказывал, что так «назывались народы, живущие по берегам Варяжского моря», что варяги «от разных племен и языков состояли и только одним соединялись обыкновенным тогда по морям разбоем». Позже Миллер согласился, что по всему Варяжскому морю не было народа, который бы собственно варягами назывался, что под варягами следует разуметь мореплавателей, воинов, которые «могли состоять из всех северных народов и из каждого состояния людей». С. М. Соловьев, ставя в особую заслугу Ломоносову именно то, что он отрицал этническое содержание термина «варяги», под варягами также понимал «сбродную шайку искателей приключений». Ломоносов был первым в науке, кто обратил внимание на тесную смысловую связь терминов «варяги» и «немцы» и даже пытался ее объяснить. И в этом случае его позиция подкрепляется источниками. Например, в Рогожском летописце (список 40-х гг. XV в.) в рассказе под 986 год о приходе к Владимиру посольств вместо «немцев» к князю явились уже «варяги»: «приидоша к Владимиру бохмичи и варязи и жидове». В ранних летописях в этом случае сказано иное: «придоша немьци... от папежа» (Лаврентьевская), «от Рима немци» (Радзивилловская), «немци от Рима» (Ипатьевская). Густинская летопись (1670), ведя речь о шведах, подчеркивает: «Их же бо оные тогда варягами нарицах. Си мы всех обще немцами нарицаем. Си есть шведов, ангелчиков, гишпанов, французов и влохов и прусов»*.

В ходе дискуссии Ломоносов задал Миллеру вопрос, ставящий под сомнение все его выводы: почему он «нигде не указал отца Рюрика, его деда или какого-нибудь скандинава из его предков?». Позже, говоря о призвании Рюрика, ученый заметил, что если бы он был скандинавом, то «нормандские писатели конечно бы сего знатного случая не пропустили в историях для чести своего народа,

---

народного.— Земли Южной Руси в IX–XIV вв. (История и археология). Киев. 1985, с. 19–30; Кузьмин А. Г. От моря до моря.— Мир истории. М. 2002. № 4/5, с. 37, 40, 43–47; его же. История России с древнейших времен до 1618 г. Кн. 1. М. 2003, с. 85, 96–97, 100–103, 105; его же. Начало Руси. Тайны рождения русского народа. М. 2003, с. 160–161, 242–293; Славяне и Русь: Проблемы и идеи. Концепции, рожденные трехвековой полемикой, в хрестоматийном изложении. М. 1998, с. 335–353, 396–403.

* Миллер Г. Ф. О народах..., с. 84, 89, 93; Соловьев С. М. Писатели русской истории. Сочинения. Кн. XVI. М. 1995, с. 224; его же. История России с древнейших времен. Кн. I. Т. 1–2. М. 1993, с. 87–88, 100, 198, 250–253, 276, примеч. 142, 147, 148 к т. I; Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 6, с. 33–34; Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 15. Вып. I. М. 1965, стб. 15; Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб. 1897, с. 83; ПСРЛ. Т. 2. М. 1962, стб. 72; Библиотека Академии наук. Отдел рукописей. 24.4.35, л. 16; 16.12.5, л. 28; Российская государственная библиотека, ф. 205, № 118, л. 14–14 об.

у которых оный век, когда Рурик призван, с довольными обстоятельствами описан»*. Немец Г. Эверс выразительно охарактеризовал отсутствие у скандинавов преданий о Рюрике как «убедительное молчание»**. По мнению Ломоносова, Байер имена русских князей «перевертывал весьма смешным и непозволительным образом, чтобы из них сделать имена скандинавские». Правоту этих слов подтвердил норманист В. О. Ключевский, сказав о способе Байера «превращать» русские имена в скандинавские: «Впоследствии многое здесь оказалось неверным, натянутым, но самый прием доказательства держится доселе»***. Ломоносов заметил, что если бы русь была скандинавской, то «должен бы российский язык иметь в себе великое множество слов скандинавских». Вслед за Ломоносовым Шлецер говорил, что «славянский язык ни мало не повреждается норманским». Пытаясь объяснить это малочисленностью норманнов на Руси, он при этом произнес фразу, которая подрывает все разговоры о норманстве Руси: сколько германских слов было занесено франками в латинский язык галлов!****

Миллер уверял, что Ломоносов не может подкрепить свои «выдумки» о южнобалтийском происхождении руси «свидетельствами истории», подчеркивая при этом, что «ни у кого из писателей в уме никогда не было, кроме автора киевского «Синописа», варягов признавать за славян»*****. Но, помимо Синописа (1674 г.), о том же говорят, например, «Августинская» легенда (вторая половина XV в.), «Хронограф» С. Кубасова (1626 г.), Бело-Церковский универсал Б. Хмельницкого (1648 г.). О южнобалтийской Вагрии как родине варягов вели речь многие западноевропейцы — С. Герберштейн (первая половина XVI в.), Г. В. Лейбниц (1710 г.). Современник Миллера датчанин А. Селлий утверждал то же самое^{6*}. В XVII веке немецкие историки Ф. Хемнитц и Б. Латом установили, что Рюрик жил около 840 года и был сыном Ободритского (южнобалтийское славянское племя) князя Годлиба^{7*}. В 1708 году был издан первый том «Генеалогических таблиц» И. Хюбнера. Династию

* Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 6, с. 77, 216.

** Эверс Г. Ук. соч., с. 148–153.

*** Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 6, с. 30; Ключевский В. О. Ук. соч., с. 398.

**** Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 6, с. 35; Шлецер А. Л. Нестор. Ч. II, с. 172.

***** Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 6, с. 55; Пештич Сл. Русская историография XVIII века, с. 226.

^{6*} Герберштейн С. Записки о Московии. М. 1988, с. 60; Герье В. И. Лейбниц и его век. Отношения Лейбница к России и Петру Великому по неизданным бумагам Лейбница в Ганноверской библиотеке. СПб. 1871, с. 102; Зерцало историческое государей Российских.— Древняя Российская Вивлиофика. СПб. 1891, с. 29.

^{7*} Bayer G. S. Op. cit., p. 278.

русских князей он начинает с Рюрика, потомка вендо-ободритских королей*. И Миллер лукавил, упрекая оппонента в отсутствии «свидетельств истории», ибо был в курсе их существования. Так, Байер в статье «De Varagis» привел известия «Августинской» легенды, Герберштейна, Латома, Хемнитца. Ломоносов пользовался 4-м изданием Хюбнера (1725 г.), имевшимся в Библиотеке Академии наук, и Миллер, знал, конечно, о наличии в ее фондах этого труда. В последующих работах он не проходил уже мимо версии о выходе варягов из Вагрии и «мекленбургских писателей», выводивших Рюрика от ободритских князей**.

Прекрасное знание Ломоносовым источников, русской и европейской истории, его превосходство над Миллером и в методологическом плане позволили ему заключить, что «оной диссертации никоим образом в свет выпустить не надлежит», ибо «вся она основана на вымысле», и может составить «бесславию» Академии. Обращал Ломоносов внимание и на политическую подоплеку норманского вопроса, говоря, что в диссертации находятся «опасные рассуждения», а именно: «происхождение первых великих князей российских от безъимянных скандинавов в противность Несторову свидетельству, который их именно от варягов-руси производит, происхождение имени российского весьма недревне... частые над россиянами победы скандинавов с досадительными изображениями... России перед другими государствами предосудительны, а российским слушателям досадны и весьма несносны быть должны». В этих словах и в словах, «что ежели положить, что Рюрик и его потомки, владевшие в России, были шведского рода, то не будут ли из того выводить какого опасного следствия»***, обычно и видят единственный мотив выступления Ломоносова против норманской теории. Конечно, патриотизм и эмоции в этом деле присутствовали, но они уже были явлениями, так сказать, второго порядка, ибо Ломоносов прежде всего выступал против фальсификации начальной истории Руси, в угоду чему совершалось явное насилие над источниками. И вряд ли ему можно вменить в вину то, что он на заре зарождения исторической науки в России встал на защиту исторической правды, желая ознакомить с ней соотечественников. Да и в трудах по истории России, вышедших за границу, говорил Шлецер, встречается «множество смешных глупостей» о ней****.

---

* *Hübner J.* Genealogische Tabellen. nebst denen darzu Gchurigcn genealogischen Fragen. Bd. I. Leipzig. 1725, S. 281. Die 112 Tab.

** *Bayer G. S.* Op. cit., p. 275–279, 296; *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. Т. 6, с. 545; *Миллер Г. Ф.* Краткое известие..., с. 10; его же. О народах..., с. 118–119, 121.

*** *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. Т. 6, с. 40–41, 77, 80.

**** *Шлецер А. Л.* Нестор. Ч. I, с. p.

В условиях национального подъема России понятна забота Ломоносова о ее международном престиже, зависящем не только от ее настоящего, но и от ее прошлого. О своем престиже тогда беспокоились, наверное, все европейские страны, не оставляя без внимания все, что могло бы принести им бесчестье и тем самым уменьшить их вес на мировой арене. В этом плане показательна та обеспокоенность Шумахера, которую он выразил 4 декабря 1749 года в письме Теплову. Сообщая, что похвальная речь Ломоносова императрице на торжественном заседании Академии была принята с одобрением, он при этом подчеркнул: в ней имеются выражения, которые могут показаться обидными прусскому и шведскому правительству*. Опытный Шумахер, чтобы упредить возможный международный скандал, завел разговор всего лишь из-за того, что Ломоносов несколько раз упомянул о победах русских над шведами в Северной войне и войне 1741–1743 годов. Пруссию же он прямо нигде не назвал, но в его словах о «завистнике благополучия нашего», которому Россия может ответить всей своей мощью, видят намек на прусского короля Фридриха II**. Близилась Семилетняя война, и европейские государства, зная себе цену в настоящем и свои устремления в будущем, всемерно вставали на защиту своего прошлого. И Россия не желала, как считал Вольтер, своей историей служить «подтверждением и дополнением к истории Швеции»*** и предстать перед своими будущими противниками и возможными союзниками такой, какой ее рисовал Миллер.

Ломоносов показал несостоятельность норманской теории так же профессионально, как он профессионально показал в 1764 году непригодность «Русской грамматики» Шлецера в том виде, в каком та была задумана. Шлецер стремился русские слова либо вывести из немецкого языка, либо дать им неблагозвучное объяснение: «дева» и «Dieb» (вор), нижнесаксонское «Tiffe» (сука), голландское «teef» (сука, непотребная женщина); «князь» и «Knecht» (холоп); боярин, барин и баран, дурак****. В этих словопроизводствах, проистекающих из представления немцев, что русский язык есть Knechtsprache*****, Ломоносов увидел, как и в случае с диссертацией Миллера, отсутствие науки.

Как историк России, Ломоносов ставил перед собой задачу: «Коль великим счастьем я себе почесть могу, ежели моею возмож-

* Пекарский П. П. Дополнительные известия..., с. 53.

** Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 8, с. 239, 243–244, 246–248, 959, примеч. 34.

*** Гурвич Д. М. В. Ломоносов и русская историческая наука.— Вопросы истории. 1949, № II, с. 113.

**** Общественная и частная жизнь... Шлецера..., с. 448, 460–461, 464–465; Шлецер А. Л. Русская грамматика. 1–11. СПб. 1904, с. 35, 48, 52.

***** Ламанский В. И. Ук. соч., с. 293.

ною способностью древность российского народа и славные дела наших государей свету откроются»*. И можно только гадать, что было бы им сделано на поприще истории, если бы она одна была его уделом. Но и того, что он сделал, занимаясь еще химией, математикой, физикой, металлургией и многими другими науками, вполне достаточно, чтобы признать Ломоносова историком и без предвзятости смотреть и на него, и на его наследие. От этого ни в коей мере не пострадают истинные и весьма значительные заслуги немецких ученых перед российской исторической наукой. Великий Эйлер в одном из писем за 1754 год с восхищением говорил Ломоносову: «я всегда изумлялся Вашему счастливому дарованию, выдающемуся в различных научных областях»**. Таким же дарованием, помноженным на свойственное ему трудолюбие и желание дойти до самой сути дела, обладал Ломоносов и в истории, не жертвуя при этом ни истиной, ни своей очень высокой научной репутацией.

---

* *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. Т. 10, с. 474–475.

** *Ченакал В. Л.* Эйлер и Ломоносов (к истории их научных связей).— Эйлер Л. Сборник статей в честь 250-летия со дня рождения, представленных Академией наук СССР. М., 1958, с. 442.